

Секция «Иностранные языки и регионоведение»

Концепт «revenge/месть» в русском дискурсе (на материале романов Б.Л. Васильева «Вещий Олег» и «Ольга, королева русов»)

Грецкая Софья Сергеевна

Аспирант

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет
иностранных языков и регионоведения, Москва, Россия*

E-mail: gnole_fungle@mail.ru

Не вызывает сомнений тот факт, что смыслы, актуализируемые языковыми репрезентантами концепта, определяет как национальная культура, так и специфическое мировосприятие каждого носителя конкретного языка, поскольку «концепт – одновременно и индивидуальное представление, и общность», это «ценностный код, единый для культурной традиции», и ментальная структура, «колеблющаяся между понятийным и чувственным, образным полюсами» [2: 4, 7], которая не может «из-за субъективности человеческого опыта <...> характеризоваться четкими и раз и навсегда заданными границами» [3: 13]. Иными словами, сама природа концепта предполагает наличие связанных с ним образов и ассоциаций, которые принадлежат единичным представителям выбранных для изучения языковых коллективов [1].

В предлагаемой статье представлены результаты обращения к формату экземплярной категоризации для исследования русской этноспецифической вариации концепта «revenge/месть». Целью является выявление индивидуальных образцов реализации данного концепта в русском дискурсе и стоящих за ними культурно обусловленных ценностных ориентиров. В качестве материала для анализа выступают два исторических романа известного советского и российского писателя Б.Л. Васильева «Вещий Олег» [4] и «Ольга, королева русов» [5].

Вопреки возможным предположениям носителя русской культуры, получившего в России основное общее образование, о сюжетной связи имен князя Олега и княгини Ольги с явлением мести, ни столкновение интересов князя Олега и Хазарского каганата, ни жестокая месть княгини Ольги древлянам за смерть мужа, князя Игоря, основными событиями рассматриваемых романов не являются. Однако концепт «revenge/месть» актуализируется на всем протяжении обоих произведений: Б.Л. Васильев в мельчайших деталях рассматривает политические взаимоотношения между германскими конунгами, славянскими князьями и соседними кочевыми племенами.

В соответствии с описанными в проанализированных художественных произведениях событиями, кровная месть – это явление, характерное как для варягов и германцев, так и для славян и других их оседлых и кочевых соседей («*Кровная месть существует во всех племенах, так же как и кровная обида*» [4]). Сами герои воспринимают смерть в ответ на смерть не как радикальную меру, а как неотъемлемую часть человеческой жизни, чрезвычайно важное и порой абсолютно необходимое явление («<...> близлежащие племена славян, чуди и даже финнов всегда пытались отбить своих соплеменников или по крайней мере отомстить за них русам. Это <...> рождало кровную месть и держало русов в постоянном напряжении» [4]; «– *Святее мести за убийство отца – только месть за убийство матери, Свенди*» [5]; «*Значит, вели-*

кого князя Игоря нужно убрать. <...> Это — необходимость. Просто — необходимость...» [5]).

Из всего массива примеров манифестации концепта «revenge/месть» в романах «Вещий Олег» и «Ольга, королева русов» выделяются три основных его ипостаси. Во-первых, родовая месть за насильственную смерть представителя рода. Сам князь Олег, предводитель германского племени русов, по сюжету романов Б.Л. Васильева, так объясняет свои взаимоотношения с представителями других германских племен и славянами: *«Роги убили моего деда, отца Ольбарда Синеуса, и попытались захватить наши земли. У нас — родовые конунги, ты знаешь <...> А кровная месть смывается только кровью, почему я куда больше доверяю славянам, в отличие от Рюрика»* [4]. Неоднократно в тексте романа «Вещий Олег» встречаются замечания о распространенности и закономерности кровной мести и т.п.

Во-вторых, месть предстает как добровольно принятое обязательство, сопровождающееся торжественной клятвой наказать обидчика, вне зависимости от характера нанесенного ущерба. Так, например, принимает решение мстить за причиненную отцу обиду Урмень, первенец смоленского князя Воислава: *«Я защищаю своего отца и до конца дней буду мстить русам за оскорбление его княжеского достоинства»* [4]; *«Я буду мстить всем грабителям, всем обидчикам славян, будь то русы, варяги или кто еще. Всем, кроме своего побратима»* [4]. Последний пример обращает на себя внимание, поскольку содержит значимую, на наш взгляд, оговорку: побратимство с мстителем может уберечь от зла, если побратим не причастен к убийству близких мстителю людей.

В-третьих, концепт «revenge/месть» в романах актуализируется благодаря таким эпизодам, как объяснение необходимости формального отказ от кровной мести или передачи права ответить злом на зло самому обидчику. Свенди, воевода княгини Ольги, опасается возможного нападения печенегов-кочевников на свою дружину, но получает следующий совет от своего друга Берсеня, пострадавшего от выпущенной печенегом стрелы: *«Сказать их хану, что я изломал стрелу, когда вынимал ее из глазницы. А я ее сохранил, и ты ее передашь хану вместе с поклоном от меня. <...> На ней — три зеленые полосы, метка младшего из ханских сыновей. Возвращение ее означает не столько отказ от кровной мести, сколько передачу права этой мести в руки самого хана. А это важно, потому что хан стареет и, что естественно, старается держать в своих руках все стрелы своих же родичей»* [5].

Кроме того, следует отметить, что персонажи рассмотренных произведений Б.Л. Васильева обращают внимание на необходимость разделять месть и убийство: первая предполагает соблюдение определенных правил поведения, высокое понимание долга, чести, достоинства (*«Гораздо больше Свенельда тревожила размолвка с великой княгиней <...> Без ее согласия на кровную месть обоих родов — рода конунга Олега и рода витязя Сигурда — невозможно было обойтись <...> Нет, поскольку тогда кровная месть превращалась в рядовое убийство»* [5]), иногда заставляет учитывать специфику мировосприятия носителей другой культуры (Ратимил, дружинник Трувора Белоголового, оказывается в безвыходной ситуации, поклявшись отомстить конунгу Рюрику за смерть Трувора: *«Цвет крови — цвет боевой славы, и не ее боится Рюрик. <...> Но Ратимил не мог стать палачом. Тогда он оказывался просто убийцей и безвинно пролитая кровь уносила конунга в бессмертие, к негаснущим огням благословенной Вальхаллы»* [4]).

Таким образом, месть, в восприятии советского и русского писателя Б.Л. Васильева, на основании проанализированных романов «Вещий Олег» и «Ольга, королева русов», оказывается не только мерой наказания обидчика, но и способом урегулирования отношений, как между обиженным и обидчиком, так и между непосредственными участниками событий и окружающими. В этой связи представляется логичным говорить о фатической функции мести. Всякое действие предполагает ответное действие. Именно в качестве такой реакции, пусть и неприятной, выступает месть в сознании автора как носителя русского языка и культуры и, как следствие, в русском дискурсе.

Литература

1. Грецкая С.С. Индивидуальные импликации концепта revenge/месть в английском языке (на материале романов И. Макьюэна Искушение, Амстердам) // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. М. 2012. № 4.
2. Зусман В.Г. Концепт в системе гуманитарного знания // Вопросы литературы. 2003. № 2.
3. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. М.: Институт языкознания; Тамбов: Тамбовский гос. университет им. Г.Р. Державина, 2007. № 4.
4. Васильев Б.Л. Вещий Олег [Электронный ресурс] // Электронная библиотека RoyalLib.Ru. 2010-2012. www.royallib.ru/read/vasilev_boris/veshchiy_oleg.html#0.
5. Васильев Б.Л. Ольга, королева русов [Электронный ресурс] // Электронная библиотека RoyalLib.Ru. 2010-2012. www.royallib.ru/read/vasilev_boris/olga_koroleva_russov.h